

* * *

Апрель.
Канитель.
Гололёд.
Все девушки дружат со мной.
Душа от восторга поёт
И воздух пропитан весной.

Не надо за счастьем бежать.
Лишь только шагнул за порог,
С двумя удалось полежать,
А третьей подняться помог.

Мой взгляд их внезапно сразил.
Такая вокруг кутерьма.
За хлебом пошёл в магазин
И напрочь свихнулся с ума.

В разгаре апрельского дня
Под птичий всполошенный гам
Все женщины любят меня –
К моим припадают ногам.

Болит от ухаiba плечо
И крúгом идёт голова.
Не помню, что было ещё.
До дома добрался едва.

Тряхнул, так сказать, сединой.
Рванул сквозь весну напролёт.
Все девочки дружат со мной.
Капель.
Акварель.
Гололёд.

* * *

1.

Морена оттаяла –
Марина Цветаева!

2.

Россия – оторвавшаяся льдина
От океанских ледовитых льдов,
Извечная судьбина и година
Сирот несчастных и суровых вдов.

И ты стоишь печальная на кромке
Стихов гремучих и дремучих снов,
А под ногами острые осколки
Земных и человеческих основ.

Неистовая, хрупкая горячка,
Принявшая небесный Божий Дар.
Сцепились насмерть белая горячка
И красный полыхающий пожар.

Марина – ледовитая морена,
Залёгшая в глубинные слои.
Твоей судьбе и море по колено
И все тебе чужие и – свои.

* * *

Самолёт мой, кукурузник –
Мой небесный тарантас.
Почту сельскую погрузит,
А потом посадят нас.

Все уселись. Все на месте.
Бабка с рыжею козой
Животину трижды крестит,
Окропив её слезой.

Командир — пилот бесстрашный
С дерзким взором молодца
Говорит: «Не плачь, мамаша,
Всех доставлю до крыльца».

Бабка крестится и плачет.
Самолётик тарыхтит.
Как кузнечик, он проскачет
И по небу полетит.

Улыбаясь, молча млеет
На борту народ живой.
А коза от счастья блеет
И качает головой.

* * *

Когда слышу в спину «Жень!» —
Окликает детство.
Счастья полную сажень
Загребает сердце.

Визг щенячий пацанья.
Дружеская свалка.
Боже! Это не меня.
Господи! Как жалко.

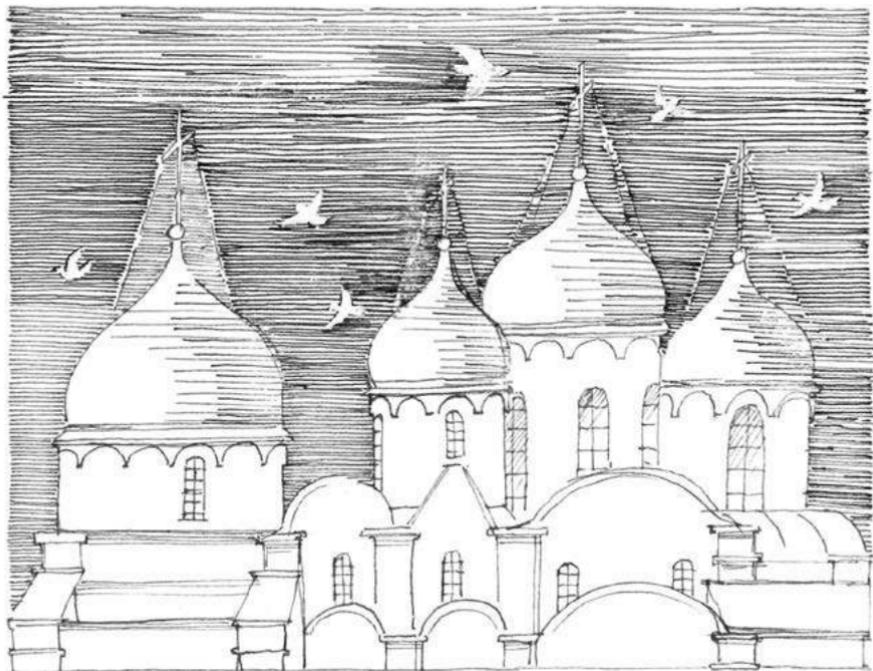
Но в небесной глубине
Свет не убывает.
Боже! Это же ко мне
Ангел мой взывает.

* * *

В небе вольные птицы
Рассекают простор.
В белой Божьей рубаше
Софийский собор.

С покаянною дрожью
На молитву встаю.
Мне за пазухой Божьей
Хорошо, как в раю.

В жизни брэнной и тяжкой
До скончания лет
Всем нам служит рубашкой
Божий праведный свет.

На пиру и на плахе
Русский зла не таит,
В белой отчей рубахе
Перед Богом стоит.

И в Господней вселенной
Осеняют простор
Крест нательный нетленный
И Софийский собор.

* * *

Листобоем напролом
В дом вломившись спозаранку,
Осень за моим столом
Стелет скатерть-самобранку.

Ломит тучный каравай
И поводит томно бровью.
Говорит: «Отец, давай
Выпьем за твоё здоровье!»

— За здоровье! — Я не прочь,
Хоть глаза твои — туманы,
Но к здоровью приторочь
Спирта полные стаканы.

Коли ты — родная мать,
Невзирая на погоду,
Гулевать так гулевать! —
Разбавлять не будем воду.

На двоих с тобой вдвоём
Каравай судьбы разделим
И отчаянно споём
Колыбельную метелям.

Неспроста, не задарма
Нынче праздник в доме нашем.
А сварливая зима
За окошком пусть попляшет.

* * *

Семинар поэтов молодых —
Юных дней моих воспоминанье.
Бьют меня товарищи под дых,
Испытуя на излом дыханье.

Битым я не раз потом бывал.
И, пройдя суровую закалку,
Диафрагму натренировал,
Укрепил характер и дышалку.

Выковал в себе бойцовский дух
И широкий непокорный выдох.
За меня дают сегодня двух
Стихотворцев, в драках не добитых.

Я шагаю, млечностью пыля.
Небеса мне — скатерть-самобранка.
За моей спиной — вся земля
И река разбойная — Татьяна.

Где, как тать, берёт меня в полон
Город эН — фамильная обитель.
И сибирякам земной поклон
Шлёт один его исконный житель.

Предо мной — заснеженная мгла.
Завывает вьюга ошалело...
Город Омск морозом добела
Раскалён до млечного предела.

Пролетел табун коней гнедых
Лет моих... И вновь меня встречает
Семинар поэтов молодых
Жадными горящими очами.

Соловьями критики поют...
Внемля им душою нараспашку,
Понимаю-чую: наших бьют!
Обсуждают Тихонова Сашку.

Сашка — поэтический юнец
Достославной песенной Сибири.
Рядом с ним сидит его отец —
Кулаки тяжёлые, как гири.

Отчего-то очень жутко мне,
Если он кого-нибудь ударит.
Хорошо, что никакой родне
Слова не дают на семинаре!

Я шепчу: «Сашок, держись родной!
Даже если в драке будет жарко.
Город Тара за твоей спиной
И река искристая Аркарка.

И ещё — сибирская земля,
Что природной силою питает,
Где, небесной млечностью пыля,
Русская поэзия ступает...».

ОСЛИК

Марине Ганичевой...

Лихо дьявол танцует чечётку.
Мечет искры в крошечном аду.
Я пошлю его, рыжего, к чёрту
И другою дорогой пойду.
Той дорогой, что всеми забыта,
Где надрывно в лихую грозу
Не грохочут, а плачут копыта,
Вышибая из камня слезу.
И пускай обо мне скажут после,
Что он жизнь не ценил ни черта!..
И был глуп и упрям, словно ослик,
На себе вывозивший Христа.

Душа у меня молода
Из хрупкого, тонкого льда.
Когда лёд оттаёт,
В душе расцветает
Подснежников нежных гряда.

В душе у меня бирюза
Прозрачная, словно слеза.
Звенящее лето.
И сполохи света
Мои застилают глаза.

В душе у меня тишина.
Душа несказанно пьяна.
Небесная просинь.
Бездонная осень.
Во всём виновата она.

В душе моей снежная тьма.
Наполнены всклень закрома.
Сварливая печка.
Замёрзшая речка.
Горбатая ведьма — зима.

